

© 1995 г.

М.В. ДЬЯЧКОВ

РОДНОЙ ЯЗЫК И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ДЬЯЧКОВ Марк Владимирович - доктор филологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института национальных проблем образования Министерства образования РФ.

В исследованиях, посвященных межэтническим отношениям и национальной политике, зачастую недооценивают или просто обходят вниманием фактор социального статуса и функционирования миноритарных языков - языков, принадлежащих малочисленным этносам и обладающих ограниченным полем общественной жизнедеятельности.

Недооценка этого фактора в ходе осмысления национальных отношений во многом определяется мнением, что вся межэтническая коммуникация может довольно эффективно и адекватно осуществляться на более распространенном в данном социуме (мажоритарном) языке. Вот почему принцип "полного двуязычия", предусматривающий контакты разноязычных индивидов в рамках локальной общности попеременно на своих родных языках, т.е. взаимное функциональное владение языками друг друга [1], обычно рассматривается как некая идеализированная модель. Между тем опыт целого ряда стран свидетельствует о практической возможности реализации этого принципа и его плодотворности. И, напротив, использование в качестве средства межэтнического взаимодействия только одного мажоритарного языка нередко приводит к неполной коммуникации или вообще ее прерыванию, когда не очень владеющие им лица переходят на родной язык. Это одно обстоятельство. Но есть еще и другое.

Неоправданное сужение функциональности миноритарного языка создает у носителей оногo внутреннюю психологическую напряженность, подчас имеющую скрытый характер и резко проявляющуюся в моменты социально-экономических потрясений. Возникает вопрос, не сыграл ли "языковой синдром" существенную роль в зарождении конфликтов, скажем, в Памирском регионе, где язгулямцы, ишканимцы, ягнобцы и прочие этнические группы, изъясняющиеся как на таджикском, так и на родном языке, скопом причислялись к "горным таджикам"? Во всяком случае эта проблема требует исследования.

Языковая политика в России издавна подвержена разного рода флуктуациям. Ее можно характеризовать и положительно, и отрицательно, а в целом как избыточную зигзагами и неожиданными поворотами. В царской империи она отличалась неприкрытой прагматичностью: значительная степень терпимости, иногда и безразличия проявлялась там, где, по разумению власти предрешающей, функционирование местных языков не представляло непосредственной опасности государству (немецкий на прибалтийских землях до 1915-16 гг., финский и шведский в Великом княжестве Финляндском, грузинский и армянский соответственно в Тифлисской и Эриваньской губерниях и т.д.). Тогда же, когда признавалось, что укрепление местного языка способно угрожать устоям режима (украинский в Малороссии, польский в Царстве Польском после восстания 1830 г.), ему в этом препятствовали. Так, например, в Польше канцелярия наместника, впоследствии начальника края, вовсе отказалась от обращения к польскому языку (причем административным чиновникам при слабом владении русским

разрешалось использовать французский, но не свой родной). В 1876 г. было запрещено издание и ввоз из-за границы книг на украинском языке [2, с. 57-58].

В то же самое время православные миссионеры при полной толерантности со стороны властей попутно с евангелизацией нехристианских российских народов ненароком занимались и развитием их языковой культуры, осуществляя переводы текстов из Священного Писания. А это, как известно, предполагает расширение и обогащение лексики и понятийного аппарата языка, создание функциональных стилей. Основные религиозные тексты заговорили абхазским, карельским, коми-зырянским, коми-пермяцким, мансийским, марийским горным, марийским луговым, мордовским-мокша, мордовским-эрзя, саамским, удмуртским, чувашским, якутским языками [2, с. 59]. Несмотря на памятную записку Министерства народного просвещения, в которой отмечалось: "Нельзя сочувствовать мысли о многочисленных переводах и изданиях на инородных языках и возможно допускать исключение только для Евангелия и для изучения христианства..." [3], они использовались в ряде начальных и средних школ. По указанию директора администрации народных училищ Симбирской губернии И.Н. Ульянова (отца В.И. Ленина) без согласования с министерством в некоторых из них было введено преподавание мордовского и чувашского языков [4]. Не говоря уже о том, что грузинский и армянский языки в качестве обязательных предметов неизменно включались в учебные программы государственных гимназий Тифлиса и Эривани.

Словом, к 1917 г. Россия в плане функционирования миноритарных языков находилась далеко не на нулевом уровне. Правда, официальная политика была выборочной и не всегда эффективной. Причем нельзя не учитывать весьма низкую грамотность в целом по стране. Первые лингвистические разработки и обучение на местных языках в отдельных учебных заведениях закладывали как бы потенциальную опору дальнейшего национально-языкового развития.

Попытки дать иницирующий толчок такому развитию были предприняты в декретах "О создании школ для национальных меньшинств" (1918 г.) и "О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР" (1919 г.). В соответствии с последним, "все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучиться грамоте на родном или русском языке по желанию". Вполне понятно, что предварительно следовало в регионах проживания нерусских этносов серьезно разработать алфавитную базу для десятков языков. При этом в основу алфавитов был положен латинский. Почему? Ведь в русском алфавите больше чем в латинском букв и оттого потребовалось бы меньше дополнительных литер, подстрочных и надстрочных знаков. Однако выбор интуитивно обусловили те факторы, которые получили название контрастных: поскольку многие буквы русского языка тесно привязаны к определенным звукам, не совпадающим со звуками в языках национальностей, обретающих или обновляющих свою письменность, то сие может привести к нежелательным фонетическим искажениям; латинский же алфавит с этой точки зрения совершенно нейтрален и предпочтительнее использовать именно его [5]. К этому, думается, резонному соображению неизбежно для той поры оказались присовокупленными политические лозунги типа: "Латинский алфавит - алфавит победившего пролетариата".

Искусственная политизация практически любой проблемы характеризует не только ту эпоху. В наши дни немало деятелей того или иного национального движения стремятся укоренить в общественном мнении мысль о том, что замена арабской графики в тюркских и кавказских письменностях на латинскую была направлена на изоляцию молодых поколений от древних этнических культур. К тому же намеренно замалчивается то обстоятельство, что арабская графика, органически соотносящаяся со структурой арабского языка, заметно менее латинской подходит тюркским, кавказским языкам, равно как и языкам народов Африки и Юго-Восточной Азии. Ведь неслучайно латинизация алфавитов в России хронологически совпала с латинизацией турецкого и малайского языков, африканских языков суахили и хауса. Единственно, чего не нужно было делать, это полностью исключать арабскую графику из образовательного процесса.

Ныне критически оценена деятельность системы национальных школ, ставшей утверждаться и широко внедряться в советских республиках с 20-х годов. Пожалуй, один из ее наиболее существенных недостатков в РСФСР заключался в их разрозненности, отсутствии интегрирующего начала. Школы, хотя и способствовали росту национальной культуры, увы, не сумели привить глубокого осознания единства россиян, принадлежащих к различным этносам и составляющих определенную гражданскую целостность. То же самое правомерно сказать и о национально-территориальных образованиях в рамках Федерации, создание которых на первых

этапах было целесообразно вследствие полного отсутствия у этнических групп негосударственных рычагов управления своим культурным совершенствованием и абсолютной неподготовленности общественного менталитета к обеспечению им условий для этнокультурной, а не политической автономии [6]. Но уже в 30-х годах такая политическая организация не содействовала формированию единого в многогранных проявлениях общероссийского социального и духовного пространства.

Изменение социально-политической ситуации в стране отразилось и на языковой политике, которая служит своего рода индикатором состояния этнической жизни общества. Начало было положено постановлением СНК СССР и ЦК ВКГТ(б) от 13 марта 1938 г. "Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей". Само по себе постановление не содержало явно ущемляющих положений, однако его практическое осуществление открыло "полувековой период ограничения сферы функционирования родных языков в образовании" [7], да и в прочих ипостасях. Вместе с тем по всей стране развернулась работа по ничем не обоснованному их переводу с латинской графики на русскую. Новые алфавиты, в отличие от латинизированных, составлялись наспех и недостаточно квалифицированно. При этом миноритарным языкам отводилась судьба "неперспективных" и об алфавитах для них вообще не заботились. Вновь бесписьменными стали тальшский, тофаларский, удгейский, корякский, вепсский, ижорский, карельский, ительменский, караимский и многие другие языки. Это выглядело как преступное разбазаривание культурного потенциала этносов.

Еще больший ущерб системе образования, функционированию и развитию этнических языков, совокупной культуре страны нанесен в начале 60-х годов, когда получили распространение идеологические постулаты, утверждавшие, что русский язык "стал фактически вторым родным для народов СССР" [8] и что интенсивно нарождается "новая историческая общность - советский народ". Нужно ли говорить, сколь преждевременными выглядели такие заявления. Пожалуй, можно лишь предположительно обсуждать вопрос о формировании общероссийского, общезстонского, общетаджикского и т.п. социумов, но до практического воплощения даже этих намечавшихся тенденций дистанция лежала огромного размера. А пока предвосхищение межэтнического слияния означало ни что иное, как попытку негодными средствами деэтнизировать население и по сути подорвать национальную культуру, отказаться от многих языков, не утративших функциональные возможности.

Трансформации в языковой политике наблюдались и в период перестройки. В 1991 г. принят закон "О языках народов РСФСР", впервые в истории нашего законодательства, как до-, так и послереволюционного, зафиксировавший, что они составляют "национальное достояние Российского государства". В предпосланной же ему Декларации констатировались "желательность и необходимость овладения языками межнационального общения лицами, проживающими на одной территории". В соответствии с этим законом предусматривалось право автономных республик провозглашать национальные языки государственными в своих территориальных пределах.

Возможность придания значения государственных языкам, которые по всем характеристикам являются миноритарными как в рамках РФ, так и часто в рамках конкретной республики, мыслилась мерой, направленной на повышение их социального статуса и расширение общественных функций. По-видимому, разработчики указанного закона, к которым относится и автор настоящей статьи, не смогли учесть всех сопутствующих обстоятельств. Без проведения какой-либо подготовительной работы, не обеспечив предварительных условий, к примеру, массового обучения языку, республики незамедлительно воспользовались предоставленным правом. Возник ряд непредвиденных социальных проблем. Значительная часть невладеющего миноритарным языком населения восприняла эту акцию без всякого энтузиазма. С почти неразрешимой задачей столкнулись учебно-воспитательные учреждения. Мировая практика свидетельствует о том, что миноритарные языки, как правило, включаются в учебные планы на уровне средней школы в порядке факультативной дисциплины, тогда как государственные используются в качестве языков, на которых идет преподавание, и считаются обязательным предметом изучения. В нашем случае объявленные государственными местные этнические языки оцениваются по двум вроде бы взаимоисключающим параметрам, отчего и сформулировать сколько-нибудь четкую общегосударственную политику в области образования пока не удастся.

К недостаткам закона "О языках народов РСФСР", функционирующего уже в течение четырех лет, можно отнести также и слабое внимание к проблеме общероссийской интеграции. Чтобы у читателя не возникло превратного понимания этого термина, хотелось бы указать на

то принципиальное различие, которое существует между ассимиляцией и интеграцией. Если в процессе ассимиляции индивид утрачивает свой родной язык, культуру, традиции, то в процессе интеграции он не теряет ничего, приобретая дополнительно внутреннее осознание принадлежности к более широкой многоэтнической общности.

Оптимизация нынешней социальной ситуации в стране предусматривает, в частности, развитие языков и культур находящихся на грани исчезновения малочисленных этносов (менее 50 тысяч человек) [9], насчитывающих в РФ свыше шести десятков, деградация и исчезновение которых чаще всего приводит к социальной маргинализации индивидов, выбиваемых из привычной среды и не умеющих приспособиться к иной атмосфере существования. Чтобы обеспечить сохранение таких этносов, необходимо решить крупную социальную задачу: закрепить условия традиционно свойственной им жизнедеятельности и одновременно открыть путь к мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Fishman J.A.* On the Limits of Ethnolinguistic Democracy. A Contribution to the International Symposium on Linguistic Human Rights. Tallinn. 1991. (Mimeogr.) P. 3—4.
2. *Дьячков М.В.* Социальная роль языков в многоэтнических обществах. М., 1993.
3. *Исаев М.М.* Языковое строительство в СССР. М., 1979. С. 30.
4. И.Н. Ульянов и просвещение народов Поволжья и Приуралья. Казань, 1985. С. 74.
5. *Diachkov M.V.* Strategies of Reviving, Preserving and Enhancing Minority Languages in the Russian Federation. *Latvijas Zinatnu Akademijas Vestis. A.* № 1-2. 1995. P. 25.
6. *Дьячков М.В.* О национально-территориальной, национально-государственной и национально-культурной автономии // Социол. исслед. 1993. №41. С. 100.
7. Российское образование в переходный период. Программа стабилизации и развития. Министерство образования РФ. М., 1990. С. 54.
8. *Хрущев Н.С.* О Программе КПСС. М., 1961. С. 90.
9. Основы законодательства РФ о правовом статусе коренных малочисленных народов // Федерация. 1993. № 68.